

МОЕ ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

Элина БЫСТРИЦКАЯ, актриса Малого театра, народная артистка РСФСР

Она не первый раз приехала в Горький. Да и нет для нее ни в одном городе зрителей, которые увидели бы ее впервые. Кто же не помнит Аксию из «Тихого Дона»? Разве ее можно забыть? И если бы даже не было других многочисленных образов в других многочисленных фильмах, ее бы все равно узнавали на улицах.

Но все равно — каждый раз, как в первый раз. Этот закон театра никто отменить не в состоянии. Он жестокий, этот закон, он требует постоянной собранности, постоянной готовности повстречаться с новым, неожиданным, умения в сотый раз переживать одни и те же события, как будто до того они не происходили. Но он и щедрый, этот закон. Соблуди его, и перед тобой раскроются сердца, и люди, до этого вечера незнакомые тебе, засмеются вместе с тобой и заплачут. В какой бы раз ни шла пьеса...

— А когда Вы получили первые впечатления от образа Глафиры из пьесы Островского «Волки и овцы»?

— Первый спектакль, который я видела в Малом театре, когда еще училась в Киевском театральном институте, был как раз «Волки и овцы». Конечно, мне тогда и в голову не могло прийти, что когда-нибудь именно на этой прославленной сцене посчастливится играть Глафиру. Я просто наслаждалась игрой знаменитой в ту пору Зеркаловой и ее партнеров — Светловидова, Турчаниновой, Шатровой, Владиславского...

Когда вступила в труппу Малого театра (это было в сезон 1958-59 гг.), «Волки и овцы» еще шли. Но потом спектакль законсервировали и к возобновлению приступили только в 1968 году. Вот тут-то я и получила впервые заветную тетрадку с ролью Глафиры, которая и сейчас со мной. Но получить еще не значит — сыграть. Первой исполнительницей была Рокс. Я ее очень уважала, внимательно следила за ее работой. И ужасно хотелось поспорить с нею в трактовке роли. Глафира успела полюбить и видела ее не традиционной хищницей, а просто удачливой женщиной, умеющей пользоваться обстоятельствами. Она сволкай живет, потому и воеет по-волчьи, а поставь ее в другое положение — горы свернет и хороших дел понаделает. Вот такой я и играла ее примерно с 1968 года. И в Горьковском театре комедии моя трактовка влилась в спектакль довольно органично.

Сначала я играла роль Глафиры часто. Потом последовал вынужденный перерыв.

— Почему?

— Для меня всегда важна пластическая сторона образа. Может быть, поэтому мои героини всегда очень подвижны. Глафира не исключение. И вот однажды во время гастролей в Ленинграде я подвернула ногу. И этот-то злополучный спектакль едва доиграла. Но подводить нельзя. Пришлось еще два спектакля играть, почти непрерывно поливая больную ногу хлорэтилом. Отыграю сцену и за кулисами почти теряю сознание от боли. В результате выпшла из строя на большой промежуток времени.

— На Вашем творческом пути были и другие встречи с драматургией Островского?

— И счастливые. Люблю Лидию из «Вешеных денег». Хотя поначалу очень трудно было работать. На первый взгляд, Глафира и Лидия — почти близнецы по всем своим внутренним качествам. А кто же хочет повторяться?

Стали вместе с режиссером Л. Варпаховским искать различия. И, конечно, нашли. Не знаю, что сказал бы об этом Островский, но мы его Лидию трактовали, как дур-

но воспитанную, капризную и легкомысленную женщину. Это позволяет сохранить ей обаяние. Она опять же не столько хищница, сколько эгоистка. Вообще актер должен быть для своих героев адвокатом, оправдывать их поступки, искать им обоснование. Только это позволит ему быть правдивым и объективным.

такими режиссерами, как Эрмлер, Герасимов, — может ли быть школа лучше? Чаще всего именно из-за этого я давала согласие на съемки. Герасимов так умно строит свои взаимоотношения с актерами, что у актеров ощущение полной самостоятельности, хотя он руководит каждым шагом. Испытываешь ощущение счастья.

Во «Все остается людям» меня привлекла возможность творческого общения с Черкасовым. Мы познакомились раньше, во время совместной поездки в США, которую по приглашению Белого дома совершили Черкасов, Бондарчук, Меркурьев и я. Тогда еще Николай Константинович раскрылся передо мною, как человек постыне редкий. Я считаю, что актер должен быть прежде всего личностью. Иначе он ничего не сыграет. Так Черкасов — личность выдающаяся. Его интересовало буквально все. Он мог расплакаться над чужим горем, звонко хохотать, когда всем весело, и неожиданно посерьезнеть, задуматься о чем-то своем, рожденным по ассоциации. Он отдавал всего себя делу, за которое взялся. Играть с ним было редким наслаждением. Верись каждому слову, каждому взгляду, каждому жесту его героя. Во время съемок он уже чувствовал себя плохо, мучила астма, он знал,

ла, кончила двухмесячные курсы медсестер. В общем, когда пришла возможность учиться, для балерины я уже стала переростком. Занималась в балетной школе и уже думала, знала, что буду драматической актрисой. Любовь к балету сохранила. На всю жизнь. Естественно, что и фигурное катание мне близко, и художественная гимнастика. Бывала я на встречах мастеров, позволяла себе иногда давать оценки. Все это заметили старший тренер сборной страны Валентина Григорьевна Батаен и комсорг ЦК ВЛКСМ Николай Краснов. Они-то и поговорили со мной о почетном поручении. Работаю с удовольствием.

— Чем еще увлекаетесь?

— И на то, о чем рассказываю. Позволяю себе поверх этого разве только партию в шахматы или на бильярде и то во время отпуска. Вот сегодня обыграла здесь в гостинице какого-то очень удивившегося этому мужчину.

— Чувствуете ли Вы себя счастливым?

— Я получила хорошую школу жизни. Когда-то в детстве бабушка заставила меня мыть полы. А когда увидела, что вымыла плохо, сказала — руки у тебя дряблые. Я на всю жизнь эту фразу запомнила. В госпитале, где при переезде в освобожденные пункты происходило срочно и стены красить, и кровати исправлять, и шить, никто уже мне подобного не говорил. И сейчас не бегу от домашней работы. Мой муж любит есть приготовленные мною обеды.

И театральную школу я получила хорошую, благодаря многим встречам с талантливыми людьми.

Но по-настоящему счастливой чувствую себя, когда удается достичь того, что еще вчера для меня было недостижимым. Это трудное счастье. Оно властно требует постоянной работы. И не исключает огорчений — добиешься-то не всегда.

— Часто бывали огорчения?

— В кино, например, дважды. В «Русском сувенире» очень не хотела сниматься. Александров настоял, и как-то не сложился образ — и драматургия оказалась слабой, и не работало. А в «Неугасимом пламени» — роль хорошая. Не сумела сыграть. Смотрела потом и только тяжело переживала.

— Когда Вы смотрите фильмы со своим участием, ощущаете себя на экране? Не кажется ли Вам, что это кто-то другой?

— Вижу только свои ошибки. Вообще, это самое страшное — смотреть свои фильмы. Но вот недавно, покалужу, впервые более или менее моя собственная работа меня устроила. Возможно, этот фильм увидят советские зрители. Он снимался в Болгарии, для болгарского телевидения. И играла я болгарку. Честно говоря, в момент приглашения даже растерялась — почему я должна играть болгарку? Но режиссер Елена Панайотова объяснила, что в образе Мелены Найденовой видит только меня. Прожив месяц в Болгарии, я освоила язык. В этом отношении мне всегда везло. Для того, чтобы разговаривать по-немецки, мне понадобилось когда-то три месяца, а здесь месяц. Видимо, скрывается тяга к подражанию. Однако, конечно, мою роль озвучивала болгарская актриса. От акцента освободиться очень трудно.

Роль оказалась интересной. Это женщина, которая живет как бы в двух измерениях. Она то и дело слышит свое настоящее с прошлым, где много пережито.

— О чем мечтаете?

— Если откровенно, — о режиссуре. Это как раз то, что пока для меня недостижимо...

Занесла А. ЧЕБОТАРЕВ.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

— А драматургия Горького? Какие у Вас с нею связи?

— Я уже теперь, можно считать, много лет на сцене. И самая драгоценная для меня работа — Юлия Филипповна из «Дачников» Горького. Вряд ли стоит ее характеризовать, — фильм многие видели. Громадное удовольствие окунуться в сложный и многоплановый духовный мир, созданный великим писателем, соединилось для меня в этой работе с удовольствием соприкосновения с удивительно проникновенной режиссурой Бориса Бабочкина.

Кроме того, играла Софью Марковну в «Старике». Софья Марковна доставила много хлопот. Даже пыталась отказаться от нее, да не разрешили. С моей точки зрения, классический образ должен появляться на сцене только в том случае, если он несет в себе проблемы, свойственные и современности. Вообще мне трудно жить в образе, если я его устами не говорю о чем-либо насущном со своими современниками. А как раз этого и не находило у Софьи Марковны. Однако с течением времени нашлось. Я ее считаю принадлежащей к людям, легко дающим обещания, несоизмеримые с возможностями их выполнения.

— Работа в театре, разумеется, отнимает большое количество времени. И не только на репетиции и спектакли, но и на домашний анализ роли...

— И вообще у актеров не бывает ни отпусков, ни выходных. Если даже уехал за тридевять земель от театра, роль-то из головы и сердца не выбросишь. Так или иначе, а продолжаешь готовить ее...

— Как же при такой особой нагрузке отыскать в своей жизни время еще и для кино? Ведь оно тоже требует возможно более полной самоотдачи. Как совмещаете?

— С трудом. С большим трудом. В фильме «Все остается людям» снималась по выходным. В кино мне, что называется, везло на партнеров. Работать с такими мастерами, как Гиацинтова, Бондарчук, Ульянов, целое созвездие в «Тихом Доне»,

что конец недалек. И тем не менее был не только сам мужественным, но и других ободрял.

Нет, недаром так любили Черкасова зрители. Они интуитивно чувствовали, какой это большой человек, хотя знали его только как большого актера.

— Кстати, как Вы относитесь к зрителям?

— Как к соавторам спектакля. Ведь без них, без их участия, без их сопереживания искусство сцены немислимо.

— Но зрители бывают разные...

— И все-таки в подавляющем большинстве случаев — чуткие. Иной раз они настолько проникаются сценическим действием, что совершают поступки, которые никогда не сделали бы, находясь в обычном состоянии. Играла мы недавно «Касатку». Там в первом акте есть сцена, в которой идет карточная игра и проигрывается последнее кольцо Маши. Поставлено так: мы с Никитой Владимировичем Подгорным отворачиваемся, и шулера заменяют карты. Зрители видят — мы нет. Мы отвернулись. В зале раздался дружный вздох, все понявших зрителей. И вдруг сочный бас разорвал тишину: «Обман!» Никто даже не засмеялся. Вот такая реакция говорит о том, что контакт между сценой и залом установился достаточно тесный.

— Оставим на время театральные темы...

— А о чем же мы будем говорить?

— Думаете, кроме театра, не о чем?

— Точнее, кроме искусства. — Однако Вы известны не только как актриса, но и как председатель Всесоюзной федерации художественной гимнастики.

— Да, и очень горжусь, что мне доверили столь почетное общественное поручение. Я очень люблю балет. Если бы не война, вероятно, была бы балериной. Война нас застала в Нежине, где работал отец. Никогда не забуду багровое от зарева небо, расклеванный брезент на машине, горящий хлеб... А потом дочкой работала в эвакуационном госпитале 3-го и 4-го Украинских фронтов. Делала все, что мог-